

DOI 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-208-222

УДК 241.1+338.48.5

Екатерина Александровна Мельникова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6764-9240
E-mail: Melek@eu.spb.ru

Инфраструктура дикой природы на территории Валаамского монастыря: опыт субъективного освоения*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена автоэтнографии полевого исследования на Валааме, проведенного летом 2019 г. Пытаясь дистанцироваться от оппозиции «религиозное — секулярное», автор использует опыт «дикого туриста» в качестве входа в поле, определяющего оптику анализа и исследовательский ракурс. Опыт природного, палаточного туризма, имеющий свои корни в практиках позднесоветской интеллигенции, продолжает сохранять значение и для современных посетителей Валаама. Дается характеристика островной инфраструктуры, специфики символического разграничения пространства на религиозно маркированное и религиозно нейтральное, делается вывод о сосуществовании различных форм почитания острова, который сегодня является одновременно объектом исторического и культурного наследия, природным заповедником, крупнейшей православной святыней Северо-Запада России и излюбленным направлением палаточного туризма. В центре внимания находятся практики взаимодействия «дикого туриста» с людьми, природой и монастырем на острове.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: туризм, антропология ландшафта, религиозные паломничества, природа, пост-секуляризм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельникова Е. А. Инфраструктура дикой природы на территории Валаамского монастыря: опыт субъективного освоения. *Кунсткамера*. 2021. 1(11): 208–222.
doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-208-222

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Религиозное маркирование пространства: сравнительное исследование присутствия Русской православной церкви в России и во Франции» (№ 19-59-22006 ФДНЧ_а).

Ekaterina Melnikova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6764-9240
E-mail: Melek@eu.spb.ru

Wildlife Infrastructure on the Territory of the Valaam Monastery: the Experience of Subjective Exploration*

ABSTRACT. The paper is grounded on the autoethnography of the field research conducted by the author in the Valaam Monastery in the summer of 2019. In an attempt of distancing from the “religious-secular” dichotomy, the author employs her backpacker experience as an entrance into the field, analytical tool and research optics. The author argues that backpacker tourism rooted in the practices of the late Soviet intelligentsia is still popular among the visitors of the archipelago, who have to negotiate their love of nature with the rules and conventions of the religious shrine. The paper describes the island infrastructure and symbolic bordering of the space between religious and natural areas. The author concludes about the co-existence of various regimes in order to use the island landscape shaped by the status of Valaam as a historical and cultural heritage object, a natural reserve, the famous Orthodox shrine of the Russian North-West and a popular eco-tourism destination. Backpacker practices of interaction with the nature, people, and the monastery in the archipelago are in the core focus of the research.

KEY WORDS: tourism, anthropology of landscape, religious pilgrimage, nature, postsecularism

FOR CITATION: Melnikova E. Wildlife Infrastructure on the Territory of the Valaam Monastery: the Experience of Subjective Exploration. *Kunstkamera*. 2021. 1(11): 208–222. (In Russian).
doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-208-222

* The reported study has been funded by RFBR according to the research project “Marking the Space Religiously: Comparative Research of the Presence of the Russian Orthodox Church in Russia and France” (no. 19-59-22006).

На Валааме невозможно оказаться случайно. Нельзя проходить мимо и заглянуть из чистого любопытства, захватить на машине по пути из одного места в другое или заскочить ненадолго во время вечерней прогулки с друзьями. Для того чтобы попасть на острова Валаамского архипелага, требуются намерения и сознательные усилия. Выбирая собственный путь на остров, путешественник выбирает и подходящую для него инфраструктуру (Larkin 2013; Васильева, Карасева, Болотова 2020: 139–144), а вместе с ней и определенный опыт «потребления» острова. От множества аналогичных рекреационных пространств Валаам отличают две важные особенности. Во-первых, географическая специфика, которая определяет естественную изолированность территории и соответствующий дефицит инфраструктуры: попасть на остров можно только по воде, передвигаться по нему — только пешком или на местном транспорте¹. Во-вторых, колонизация острова крупнейшим православным монастырем Северо-Запада России, которая обусловила монополизацию монастырскими службами ресурсов, связанных с возможностями перемещения: суда малого флота, осуществляющие рейсы между островом и материком, принадлежат паломнической службе, а все гостиницы, как и единственный оставшийся на острове продуктовый магазин, также находятся в собственности структур монастыря.

Официальный сайт Валаама, посвященный туризму (Валаамский паломник), предлагает несколько возможностей для посещения острова, обозначенных формулами «Валаам — паломникам», «Валаам — туристам» и «Речные круизы». Каждый из них ориентирован на разные группы путешественников и разный опыт, который, как ожидается, должен получить человек во время своего путешествия.

Для паломников Валаам должен стать «Русским Северным Афоном», местом «приобщения к валаамской духовной традиции». Такая поездка предполагает участие в церковных богослужениях — совместной молитве с братией монастыря и таинствах (Валаамский паломник). Режим посещения настроен на монастырский график — питание организовано по монастырскому уставу в местных трапезных, а проживание обеспечивают монастырские гостиницы. В паломническую программу включено посещение удаленных и закрытых для обычных посетителей скитов — Всехсвятского (открытого только для мужчин) и Смоленского.

Другой вариант отдыха — «Валаам — туристам» и «Речные круизы» — ориентирован на тех, кого интересует прославленная валаамская природа и историческое наследие. Этот раздел начинается словами Д. С. Лихачева, широко цитируемыми на различных ресурсах, посвященных острову: «История, природа и искусство — три мощные воспитательные силы в нашем обществе. На Валааме они соединены с необычайной прочностью»². «Именно эти три компонента, — комментируют слова Д. С. Лихачева авторы сайта, — делают Валаам привлекательным не только для тех, кто исповедует православное мировоззрение, но и для всех любознательных, равнодушных

¹ О понятии «islandness», производном от слова «остров», но плохо поддающемся переводу, и зависимости островных сообществ от инфраструктуры судоходства см.: (Vannini 2011).

² Несмотря на долгие поиски, мне так и не удалось установить источник этой цитаты. Она встречается в документальном фильме «Тревожные колокола», созданном в начале 1980-х годов на любительской киностудии института «Карелгражданпроект» (г. Петрозаводск) (оператор Б. П. Бойцов, ассистент оператора Л. Н. Буренко, авторы сценария и режиссеры Э. В. Воскресенский, Н. В. Куспак, С. Кирлушкина, звукорежиссер О. Голубков) (Восстановление кинолентописы Валаама). Однако закадровый текст вряд ли может относиться к этому времени. По словам оператора фильма, текст был написан В. П. Орфинским — знатоком карельской и северно-русской архитектуры, преподававшим в те годы в Петрозаводском государственном университете и возглавлявшим с 1966 по 1998 г. секцию охраны памятников архитектуры и градостроительства Карельского отделения ВООПИК. Скорее всего, закадровый текст появился позже, в самом конце 1980-х, и стал одним из откликов на публикацию статьи Александра Нежного в журнале «Огонек», изданной под рубрикой «Большое Отечество» и получившей впоследствии большой общественный резонанс (Нежный 1989: 20). Именно в этой статье Нежный цитирует слова Д. С. Лихачева о трех мощных воспитательных силах, соединившихся на Валааме. Д. С. Лихачев действительно принял большое участие в судьбе Валаамского архипелага, уже в 1982 г. назвав его в числе памятников, нуждающихся в немедленном спасении (Лихачев 1982: 20), а затем обратившись от имени Советского фонда культуры в ЦК КПСС с письмом о необходимости передачи историко-культурных памятников Валаамского монастыря Русской православной церкви и замене генерального проектировщика по Валаамским островам (Лихачев 1989; 1990). Письмо было направлено в ЦК в июне 1989 г., а в декабре того же года на Валаам прибыла первая группа монахов. Постановление «О передаче Русской православной церкви комплекса культовых и административно-хозяйственных зданий и сооружений Спасо-Преображенского Валаамского мужского монастыря» было принято спустя два года после обращения Д. С. Лихачева.

к прекрасному людей. Туристу, выбравшему целью своего путешествия Валаамский архипелаг, откроется прелесть суровой северной островной природы, изящество архитектурных памятников, искусно вписанных в ландшафт талантливыми мастерами, загадки истории древнего монастыря, чья судьба тесно переплелась с историей северо-западных пограничных рубежей России» (Валаамский паломник). В отличие от паломников, «туристическая» форма освоения и знакомства с островом не требует обязательного участия в литургии, хотя, как говорится на сайте паломнической службы, «двери собора открыты для каждого из валаамских гостей».

Несмотря на два разных подхода к острову и две разные перспективы, которые должны открыться путешественнику, приехавшему сюда в качестве «паломника» или «туриста», программа пребывания на Валааме в обоих случаях строго регламентирована и полностью контролируется монастырем. Островная инфраструктура также оказывается общей: паломники и «туристы» пользуются одними и теми же гостиницами, кафе и столовыми. Экскурсионное обслуживание осуществляется только авторизованными монастырем сотрудниками паломнической службы, прошедшими специальное обучение. Туристическая и паломническая версии острова, таким образом, отличаются не так уж сильно. Обе продумывались паломнической службой и создавались с опорой на монастырскую инфраструктуру.

В то же время Валаам имеет давние традиции индивидуального светского посещения, уходящие корнями в эпоху романтического национализма конца XIX в., когда остров, став важным символом имперского величия, привлек к себе внимание царской семьи, а вместе с ней — знаменитых художников, литераторов и музыкантов. Именно в это время был создан знаменитый образ «дивного Валаама»³, наделенного небывалой красотой северных пейзажей⁴ (Rapree 2011). В период с 1917 по 1940 г. Валаам находился на территории Финляндии⁵, а войдя в состав Советского Союза, начал новую, полностью светскую жизнь. Монахи Валаамского монастыря покинули его, основав Ново-Валаамскую обитель в финском местечке Хейнявеси, а на острове был образован поселок, размещено подсобное хозяйство Питкярантского целлюлозного завода, организовано лесничество. Хотя монастырь больше не действовал, Валаам сохранил ореол «пречудного» и знаменитого острова, окутанного туманами холодной Ладоги. Консервативный поворот 1960-х и сопровождавший его бум туристического движения⁶ обеспечили Валаамский архипелаг манящей привлекательностью для позднесоветской интеллигенции, превратив посещение острова практически в обязательный ритуал единения с природным, культурным и историческим наследием России, символизирующий принадлежность к касте любителей дикой природы и национальной старины⁷.

Исследуя историю национальных парков в Америке, Линн Росс-Брайант предлагает рассматривать их в категориях священных мест и религиозного паломничества, выводя определение

³ Выражение «дивный остров Валаам», ставшее самым известным его определением, происходит из текста стихотворения Петра Михайлова («О дивный остров Валаам!»), впервые опубликованного в 1913 г. Этот стих лег в основу так называемого гимна Валаамского монастыря, дописанного в 1941 г. игуменом Харитоном и регулярно исполняемого монастырскими песнопевцами. В 2018 г. в домашнем архиве семьи Колесовых была обнаружена рукопись стихотворения Петра Михайлова, датированная концом XIX в. Сейчас она хранится в фондах монастыря (Музею Валаамского монастыря 2018).

⁴ О роли Валаама в традиции академической живописи см.: (Агапов, Хаккарайнен 1983).

⁵ О значении Валаама как реального и дискурсивного места паломничества русской эмиграции в финский период его истории см.: (Шор 2011).

⁶ О консервативном повороте 1960-х гг. см.: (Donovan 2019; Кормина, Штырков 2015). О туристическом движении в Советском Союзе в 1960–1970-е годы см.: (Koenker 2013: 210–261; Gorsuch 2011, Roe 2020).

⁷ В 1960–1980-е годы была опубликована целая серия рассказов и воспоминаний о путешествиях на Валаам (Исаков 1984; Ладога 1985; Крылов 1988), несколько фотоальбомов (Приладожье 1976; Путешествие 1978; Валаам 1983; 1986), наборов открыток (Авдышев 1968; Валаам 1973), путеводителей и специальных туристских схем-описаний (Лейбошиц 1964; 1965; 1966; Остров Валаам 1966; Горелова и др. 1969; Петухов 1977). О Валааме как популярном месте паломничества советской интеллигенции в 1970-е годы вспоминают и первые экскурсоводы на острове: (Кузнецов 2013; Бусахин, Куршин 2013). Диана Кенкер, рассматривая историю формирования советских туристических практик, включая дикий туризм, убедительно показывает, что к 1960–1970-м годам туризм как область досуга полностью захватывается интеллигенцией, становясь важным инструментом социальной стратификации и признаком классовой принадлежности. В постсталинское время идеи массовости и создания условий для отдыха рабочего класса, пропагандировавшиеся в 1920–1930-е годы, окончательно уступают место ценностям советской интеллигенции, составлявшей абсолютное большинство среди туристов (Koenker 2013: 252–254).

религии за пределы традиционных религиозных институтов (Ross-Bryant 2013). Ставя в центр внимания смысл и значение, которые люди придают миру и своему месту в нем, Росс-Брайант обнаруживает множество параллелей между историями национальных парков и святых мест, практики почитания которых нередко опираются на единую систему ценностей (Ross-Bryant 2013: 1–3). Советская история Валаама 1960–1980-х годов вполне могла бы стать одним из примеров религиозного или квазирелигиозного почитания природы, о котором пишет Росс-Брайант. Однако появление в этом месте активно действующего монастыря кардинально изменило ситуацию.

Эпоха церковной реституции и монастырского возрождения, начавшаяся в 1989 г., привела к постепенному вытеснению с острова всех светских учреждений⁸. Сегодня монастырь является организацией, не только контролирующей паломнические туры на остров, но и отвечающей за охрану природного ландшафта и организацию «дикого», палаточного туризма. Таким образом, монастырь берет на себя функции, до недавнего времени выполнявшиеся исключительно светскими структурами, отвечавшими за охрану природного и исторического наследия и преследовавшими цели, не связанные с миссионерской или другой религиозной деятельностью.

Меня интересует инфраструктура, созданная для нужд светского посещения острова, но обеспечиваемая сегодня Русской православной церковью. «Дикие» туристы, которые приезжают на Валаам с целью «погружения в природу» и знакомства с местной флорой и фауной, нередко мнят монастырь в качестве главной достопримечательности, углубляясь в лесные массивы острова и предпочитая уединенное существование на палаточных стоянках и в их окрестностях. Тем не менее полная автономность на Валааме невозможна по причинам, о которых я уже писала выше: попасть сюда можно только воспользовавшись речным транспортом, а жить — только на специально отведенных для этого местах. Следуя маршрутом «дикого туриста», я попытаюсь рассмотреть незаметную монастырскую инфраструктуру, пронизывающую остров за стенами монастыря и решающую светские задачи природного туризма.

Поставив перед собой задачу взглянуть на остров глазами туриста-походника, самостоятельно определяющего свою траекторию и ритм жизни на острове, мне пришлось выбрать и новую для меня оптику полевых наблюдений, а вместе с ней и новый язык описания. В работе я опираюсь прежде всего на собственные впечатления и опыт, оставляя опыт и впечатления других людей только для комментариев и пояснений. Я хочу рассказать личную историю обживания острова, объясняя ее через описание своих ожиданий и столкновений.

Современная полифоническая антропология открывает множество возможностей для существования различных языков описания и интерпретации и допускает включение автора в качестве действующего лица описываемой истории, а не только как пассивного наблюдателя происходящих событий. Критическая антропология 1980-х годов, поставившая фигуру исследователя-автора в центр внимания и подвергшая ее придирчивому разбору, привела к появлению целого ряда новых исследований, которые ориентированы на персонализированные нарративы, определяющие место исследователя в качестве одного из центральных. Такие работы предполагают не только иную форму полевого наблюдения, но и другой принцип описания. «Искусство приметливости», о котором говорит Анна Цзин, становится в этом контексте главным методом, предполагающим готовность прислушиваться к разным ритмам и историям, внимательность к множественности и полифонии, отказ от обязательного масштабирования результатов исследования в глобальных категориях (Цзин 2017).

Выбирая путь «приметливости», приходится следовать и другому стилю письма, не устраняя из текста фигуру автора, а, наоборот, отчетливо ее обозначая, обнажая и возможную субъектив-

⁸ Валаамский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник был ликвидирован в 1992 г. (Постановление СМ КАССР № 262). Часть его материалов была передана созданному в этом же году Музею Северного Приладожья в г. Соргавала. В 2017 г. закрыта дирекция природного парка на территории архипелага. Выселение светского населения с острова, начавшееся в конце 1990-х годов, спровоцировало длительные и острые конфликты между представителями монастыря и местными жителями (Валаам 2015; Вольтская 2017; Цыганкова 2017).

ность, и существующие предпосылки исследовательской оптики. Примеры такого подхода хорошо известны сегодня. Это и уже упомянутая книга Анны Цзин «Гриб на краю света» (2017), и работа Аннмари Мол «Множественное тело. Онтология в медицинской практике» (2017), и книги Шарон Зукин (2015; 2019), и новаторская монография Анны Клепиковой «Наверно, я дурак» (2018). Все эти работы, как и целый ряд других публикаций последних двух десятилетий, экспериментируют с научным языком в поисках нового жанра антропологического письма. Полевая автоэтнография, имеющая гораздо более глубокую историю, чем эти эксперименты, и уходящая корнями в этнографические тексты начала XX в., позволяет выйти за границы классического «нарратива без автора», впустив его в пространство рассказанной истории и ткань повествования.

ПРИБЫТИЕ

Организация палаточных стоянок на острове и система их обслуживания восходит к работе туристической базы на Валааме, созданной в 1963 г. и закрытой в начале 1980-х. В последующие годы приемом и размещением палаточных туристов занималось местное отделение Дирекции особо охраняемых природных территорий⁹, расположенное на острове. После его закрытия в 2017 г. функции управления стоянками перешли к паломнической службе монастыря. Для обычного путешественника перемены в системе управления не слишком заметны. Так же как и в последние годы существования на архипелаге Дирекции природного парка, согласование поездки происходит через группу в социальной сети «ВКонтакте». Сейчас эта группа называется «Палаточные стоянки на о. Валаам». Здесь нужно заранее забронировать место под палатку, заказать необходимый инвентарь — все, от палаток до спальников и топоров, можно взять в аренду. Несмотря на то, что группу ведет сотрудник паломнической службы, ничто ни в обсуждениях, ни в общей информации, которая приводится в группе, не говорит о монастырской специфике организации туризма.

Всего на острове организовано шесть стоянок — каждая имеет свое название и оборудована общими элементами — информационным щитом, кострищем, деревянным туалетом, заготовленными дровами, местом для сбора мусора и несколькими указателями. Стоянка «Первая точка» расположена ближе всего к пристани и монастырской усадьбе — именно она пользуется наибольшим спросом. Все остальные находятся на значительном удалении и труднодоступны, но и там в летний сезон довольно сложно найти место. Хотя мой первоначальный план заключался в том, чтобы прожить несколько дней на ближайшей к монастырю стоянке, от него вскоре пришлось отказаться. В начале июля выяснилось, что «Первая точка» переполнена, а следующая за ней — «Пожня» — скорее всего, будет недоступна. Сотрудник паломнической службы, с которым я общалась по телефону, предложил забронировать на все время стоянку «Скалистый берег», и я последовала его совету. 18 июля я приехала на Валаам в компании двух моих родственников, без которых мне вряд ли удалось бы справиться с условиями полуавтономного существования на острове.

Территория стоянки «Скалистый берег» находилась на берегу озера и не была огорожена. Тропинка, уходящая вглубь леса, приводила путешественника к открытой поляне, размеченной указателями и знаками. На самом берегу озера располагались кострище и стол со скамейками. Здесь же стоял информационный стенд, извещавший о правилах пользования территорией.

«Правила пребывания на палаточной стоянке» регулировали все стороны жизни человека на острове, строго определяя места обитания, приготовления и приема пищи, возможности использования местных природных ресурсов. Правила устанавливали определенную систему отношений между несколькими агентами, присутствие которых предполагалось на стоянке. Среди них были люди, природа и паломническая служба. Одно из правил требовало не шуметь после 23:00

⁹ Полное название — Отдел по управлению и охране природного парка «Валаамский архипелаг» и ООПТ регионального значения Северо-Западного Приладожья Дирекции особо охраняемых природных территорий регионального значения Республики Карелия.

(«Уважайте других туристов»), другие два касались бережного отношения к растительному и животному миру. Паломнической службе в этой системе отношений отводилась роль организации, отвечающей за распределение местных ресурсов и контролирующей соблюдение регламента пользования территорией. Одно из объявлений на стенде извещало о том, что «размещением туристов и паломников на стоянке» ведает паломническая служба, в офисе которой следовало зарегистрироваться сразу по прибытии на остров. Здесь же сообщалось о том, что она занимается заготовкой дров, которыми нужно и можно пользоваться на стоянке.

Инфраструктура стоянки полностью воспроизводила светские модели палаточных кемпингов, а сами правила отвечали нормам, установленным еще в прошлые годы Дирекцией природного парка. Необычным в этой ситуации было только то, что роль институции, наблюдающей и контролирующей соблюдение светских правил поведения и природопользования, играл монастырь в лице паломнической службы. Также как и во время предварительного согласования поездки, на этапе обустройства на месте ничто не говорило приехавшему туристу о том, что он или она оказались на территории, контролируемой религиозной организацией. На небольшой палаточной стоянке посреди леса не было никаких знаков, свидетельствующих о близости крупнейшего монастыря Северо-Запада. Ни икон на деревьях, ни крестов или часовен нигде не было видно. Звон колоколов сюда не доносился. На информационном стенде не было православных символов, а в текстах, размещенных на этом стенде, не содержалось никаких клише, отсылающих к православной риторике. Здесь не было ни благословений, ни расписания богослужений, ни молитв.

Тем не менее человек, с которым мы столкнулись на следующий день после нашего приезда и который сообщил о том, что мы установили палатку в неполюженном месте, был сотрудником паломнической службы монастыря. Он взял с нас плату за место на стоянке и попросил перенести палатку на общую поляну.

ОБИТАНИЕ

Обустроившись на стоянке, мы узнали от наших соседей о том, что монастырская ферма — ближайшее место, где можно приобрести хлеб и, возможно, какие-то другие продукты. Большинство насельников палаток днем путешествуют по острову, поэтому мы тоже решили опробовать пешие прогулки и отправились на ферму. Дорога все время шла по лесу, а по пути попадались знаки, установленные администрацией природного парка «Валаамский архипелаг»: «Не съезжай с дороги — повреждается почва», «Для стоянки и разворота ищи карманы». Так стало понятно, что, перемещаясь по острову, мы также перемещаемся между зонами, над которыми установлен контроль разных организаций. Довольно скоро выяснилось, что на территории архипелага сосуществуют и разные режимы контроля, и разные ограничительные барьеры. Уже позже, добравшись до Монастырской бухты и ее главных достопримечательностей — монастырского каре, Спасо-Преображенского собора и Аптекарского сада — мы натолкнулись на запретительную табличку «Проход не благословляется». Такие же таблички установлены и в скитах, закрытых для посещения. На заборе метеостанции, находящейся на м. Красный, рядом с нашей стоянкой, была совсем другая табличка — «Проход воспрещен».

Знаки, установленные вдоль лесных грунтовых дорог, отсылают к авторитету и системам контроля Дирекции природного парка, отвечавшей за соблюдение норм, установленных законом «Об особо охраняемых природных территориях»¹⁰. Но после закрытия местного отделения дирекции выполнение этих правил никем на острове не контролируется.

Закрытые зоны, охраняемые силой благословения, волей сотрудников метеостанции или вневедомственной охраны (как в случае с частными территориями на острове), представляют

¹⁰ Указом Президента РФ № 760 от 12.07.1992 Валаамский архипелаг получили статус особо ценной историко-культурной и природной территории Российской Федерации и Республики Карелия.

собой небольшие участки на территории архипелага, большинство из которых трудно обнаружить без специального проводника. Основная территория острова выглядит свободной от чьего-либо контроля и каких-либо ограничений. Это относится не только к собственно лесному массиву, но и к монастырскому хозяйству. Согласно Генеральному плану развития Валаамского архипелага, юридически Спасо-Преображенский Валаамский ставропигиальный монастырь является собственником только культовых, административно-хозяйственных зданий и сооружений, а также объектов инженерной инфраструктуры. Основные земельные угодья архипелага находятся в федеральной, республиканской или муниципальной собственности. Однако значительная их часть, на которой располагаются скиты и другие монастырские постройки, используются под нужды монастыря. Границы зон разных типов собственности не видны и, как правило, неизвестны путешественнику. Перемещаясь по острову, турист сталкивается исключительно с теми знаками, которые предъявляются ему открыто: табличками «Не благословляется» или «Проход воспрещен». Основная же территория архипелага вообще никак не маркирована.

Монастырская ферма, куда мы отправились за хлебом, представляла собой внушительную и хорошо обустроенную территорию, огражденную забором с каменными воротами, за которыми находилась будка охранника. На самих воротах нас встречало объявление «Въезд на территорию фермы по благословию». У нас не было благословения, но и машины тоже не было, так что мы просто вошли внутрь, и никто не преградил нам дорогу. Как и все другие монастырские постройки, валаамская ферма поражала богатством и ухоженностью. Выложенная булыжником площадка перед основным зданием, ландшафтный дизайн, сад и деревья с табличками, клумбы, прекрасно оборудованный причал — все это никем не охранялось. Более того, никаких людей вокруг вообще не было видно. Пытаясь выяснить, где можно купить хлеб и сыр, мы наугад стучались в разные двери, пока в какой-то момент не оказались внутри собственно сыроварни, о чем говорили характерный запах и стоящие в коридоре белые резиновые сапоги. Здесь мы и столкнулись с одним из монахов, который объявил нам, что магазин закрыт, но можно попробовать купить что-нибудь у местных монахинь, келии которых располагались здесь же неподалеку. Пока мы пытались достучаться в одну из квартир-келий, этот же монах принес нам буханку хлеба и кусок сыра, извиняясь за то, что и хлеб, и сыр — простые, «для себя». Вся эта ситуация показалась мне удивительной. Я ожидала как минимум нескольких линий кордона: монастырскую, защищающую православную территорию от любопытствующих секулярных туристов; санитарную, преграждающую доступ к предприятию по производству пищевых продуктов; ну и вдобавок, например, государственную, предохраняющую очевидные знаки финансового благополучия РПЦ от чужих и зачастую критических взглядов. Но никто не пытался остановить нас, пока мы стучались и заходили в разные помещения. Никто не поинтересовался тем, что мы здесь делаем и чего хотим. Мы были никому не нужны и никому не интересны.

Прозрачность границ между разными зонами на Валааме говорит о демократизации монастырской политики управления на острове, обусловленной существенной ролью туристических потоков в экономике монастыря, ежегодно принимающего 100–120 тыс. гостей. В то же время далеко не все границы на острове так же открыты, как ворота фермы. Доступ на территорию большинства скитов закрыт для обыкновенных путешественников, а уже упоминавшаяся метеостанция напоминает хорошо укрепленную крепость: она окружена плотным забором, а на калитке висит сразу несколько табличек, запрещающих проход.

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ: СВЕТСКАЯ ПРИРОДА И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Перемещение по острову означает не только переход из одной природной зоны в другую, но и смену символических пространств. Территория палаточной стоянки выглядела абсолютно светской, в то время как зоны монастырской застройки, включая скиты, ферму и, конечно, Монастырскую бухту, в которую причалил наш метеор, размечены многочисленной православной символикой.

Купола Спасо-Преображенского собора видны уже на подъезде к острову, непосредственно у причала находится часовня иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», а поблизости — часовня Благовещения Пресвятой Богородицы. Недалеко от пристани расположено кафе «Валаамский паломник», а слева открывается вид на часовню Покрова Пресвятой Богородицы. Дорога от причала ведет к монастырскому саду и центральной усадьбе монастыря. В кафе на стенах висят иконы, старые фотографии монастыря и валаамских монахов, а около кассы — две молитвы — «Перед вкушением» и «После вкушения» пищи.

Из-за того, что все объекты инфраструктуры, включая магазин, кафе, транспорт, электричество и работающую мобильную сеть, сосредоточены в освоенной монастырем зоне, при перемещении из места расположения палаточной стоянки к центральной усадьбе возникает стойкое ощущение перехода из области дикой природы в область цивилизации. Линия светское/религиозное соединяется с оппозицией природное/культурное, производя не только эффект зонирования ландшафта — его разделения на природный и культурный, но и создавая новые категории — светской природы и православной цивилизации. Несмотря на то что эти зоны не разделены забором, граница между ними ощущается довольно остро. Природа, понимаемая как ландшафт, лишенный признаков созданной руками человека культуры и цивилизации¹¹, на острове оказывается ландшафтом, лишенным признаков православной инфраструктуры. Нижегородский художник, который уже несколько лет возит на остров своих учеников, чтобы рисовать пейзажи, рассказывал мне, что их группа всегда останавливается на самой дальней стоянке — в «Бухте Дивной» — и никогда не ходит в монастырь. «Погружение в природу» на Валааме означает в первую очередь дистанцирование от православной святости и ее достопримечательностей, потому что именно монастырь и его ресурсы выступают на острове в качестве символов «цивилизации», противопоставленной «дикой природе».

В то же время природа активно используется монастырем как для создания образа почитаемой святости, так и в качестве инфраструктурного ресурса. На сайте «Валаамский паломник» обитель рекламируется как «Русский Северный Афон», образ которого, как и образ греческого Афона, создается не только через апелляцию к знаменитым почитаемым святым и подвижникам, но и с использованием отсылок к «необыкновенно красивой природе» острова, труднодоступности и отделенности от суетного мира природными условиями: «Валаамская обитель, с сонмом святых подвижников и старцев, с подворьями, скитами и пустынями, необыкновенно красивой природой, отделенная от мира ладожскими водами» (Валаамский паломник). Благодать и благодатность острова — базовый элемент монастырского дискурса¹². Фотовыставка «Дивный остров Валаам. Валаамская обитель глазами ее братии», работавшая в Центральной усадьбе во время нашей поездки, была посвящена как раз такому симбиозу православного благочестия и дикой природы. «Эта выставка, — читаем на информационном стенде, — взгляд на остров Валаам изнутри. Все авторы фотографий — члены общины Спасо-Преображенского монастыря — иноки, послушники, трудники, монахи, включая и игумена монастыря епископа Панкратия. Благодаря искусству фотографии мы видим дивный остров и его обитателей их глазами: живописные пейзажи и психологические портреты, картины церковной жизни и бытовые зарисовки. Это их дом, в котором смена времен года заставляет задуматься о преходящем и вечном, простые будничные заботы сменяются богослужениями, а созерцание природы неотделимо от молитвы, и лица людей наполнены божественным светом».

Вместе с тем природа эксплуатируется монастырем и для решения вполне утилитарных задач, связанных с функционированием обители. Это не только вырубка леса для строительства новых

¹¹ См. обсуждение характерного для западного воображения противопоставления природы и культуры в терминах «people-less nature» «nature-less culture» в: (Byrne, Brockwell, O'Connor 2013).

¹² «Природа» является одним из важных мотивов не только для Валаамского монастыря, но и в целом для христианской литературы. Об этом см.: (Dallen 2013). О включении православной церкви в визуальный канон русского национального пейзажа см.: (Штырков 2016).

скитов, ставшая предметом резкой критики со стороны природоохранных организаций, но и палаточная инфраструктура. Путешествуя между разными стоянками на байдарке, мы в один из дней доплыли до Монастырской бухты, откуда уже пешком добрались до «Первой точки» — той самой стоянки, на которой мне не удалось остановиться из-за недостатка свободных мест. К стоянке мы шли вместе с попутчиками, которыми оказались приехавшие на Валаам трудники. Двое мужчин (оба около 40 лет) прибыли в тот же день на остров и ожидали, что их разместят в одной из гостиниц. Но когда выяснилось, что все номера и комнаты заняты, их отправили на ближайшую палаточную стоянку, выдав бесплатно палатку и спальные мешки. На месте стоянки мы обнаружили еще несколько таких же палаток, узнав, что многих трудников размещают в летнее время на природе.

На этой же стоянке разместились и участники молодежного палаточного лагеря, организованного православным социальным центром «Институт семьи». Эта организация, базирующаяся в Петербурге, устраивает различные мероприятия, включая лекции и тренинги, а также регулярные выезды на природу и туристические поездки в другие города. Как сказала одна из участниц лагеря, люди приезжают сюда для того, чтобы познакомиться и найти партнера для создания семьи. Большинство мероприятий центра ориентировано на решение именно этой задачи. По мнению Ольги, на Валаам приехали молодые люди в поисках пары. Их жизнь на острове предполагает совместный быт, включающий приготовление пищи и застолье, активное общение друг с другом у костра, игру на гитаре и пение песен. Руководили группой два священника — протоиерей Пётр Стукал и иерей Иоанн Мераджи, которые ежедневно проводили с молодыми людьми беседы, раскрывавшие, согласно объявлению в группе центра, «евангельские смыслы о семье». Вечером все участники лагеря могли отправиться вместе со своими пастырями на вечернюю службу в Спасо-Преображенский собор, но в тот день, когда мы оказались на стоянке, никто, кроме священника и двух женщин, не присоединился к прихожанам в храме. Большинство насельников лагеря предпочли остаться на берегу Ладоги, наслаждаясь закатом и природными видами, что не противоречило главной идее лагеря — «объединить жизнь тела, духа и души» (Трофимова 2019).

ЛЮДИ И БЕЗЛЮДЬЕ

Стоянка «Первая точка» находится в зоне наибольшей близости к Центральной усадьбе монастыря, где сосредоточены главный причал, основные достопримечательности, гостиницы, кафе и магазин. Это многолюдное пространство, в котором смешиваются потоки приехавших на несколько часов теплоходных туристов, паломников и трудников, проживающих здесь более длительное время, монахов и работников острова.

Полную противоположность этому освоенному людьми ландшафту представляет собой одна из самых дальних стоянок — «Лещовый залив», находящаяся на берегу Лещового, или Глухого, озера. Добравшись туда на байдарке, мы обнаружили совершенно пустынное место. Ни на самой стоянке, ни по дороге к ней мы не встретили ни одного человека.

В отличие от окрестностей Центральной усадьбы, большая часть Валаама выглядит дикой и лишенной человеческого присутствия. На месте нашей остановки, несмотря на наличие чужих палаток, людей не было видно. Обитатели соседних палаток показывались редко и явно не были настроены на общение. Пару раз палатки, установленные вечером, к утру бесследно исчезали. Одного из таких путешественников мне удалось застать с утра за сбором установленного накануне вечером жилища: он путешествовал по острову, перемещаясь в одиночку между разными стоянками, и делал так уже не первый раз. В самой большой палатке, состоявшей из двух отделений, жила компания из нескольких человек, но почти все уехали на следующий день после нашего заселения, оставив отца с сыном-подростком. Но и с ними поговорить удалось не сразу. В закрытую палатку не будешь стучаться, напрашиваясь на интервью. В конце концов, когда удалось столкнуться с ними за общим столом на берегу озера, я узнала, что вся компания приехала

на Валаам из Москвы и должна была в том же составе вернуться обратно, но из-за того, что у Максима отменилась запланированная поездка на Кипр, он с сыном решил задержаться на острове. К тому моменту, когда мы познакомились, я уже очень ясно понимала инфраструктурные особенности существования на острове — транспорта нет, единственный магазин — в Монастырской бухте, продуктов там немного, да и те продаются с большой наценкой. Длительное проживание на острове само по себе казалось мне достаточно экстремальным опытом, что уж говорить о спонтанном желании здесь остаться. Мне было совершенно непонятно, как можно жить здесь, не имея заранее заготовленных ресурсов, включающих не только пищу, но и достаточный запас зарядных устройств. Максим смотрел на эти проблемы иначе: он сказал, что сейчас, летом, можно собирать в лесу грибы и ягоды, а если у них с сыном возникнут проблемы с едой, они просто пойдут в монастырь трудниками. Действительно, монастырь активно приглашает трудников и волонтеров, предоставляя им питание и жилье. История Максима и его сына, для которых работа в монастыре была решением проблемы нехватки продуктов, служит примером того, как ресурсы монастыря, не предназначенные для обслуживания «диких» туристов, привлекаются путешественниками для обеспечения собственного полуавтономного существования на острове.

ОТЪЕЗД

Отъезд с острова снова поставил нас в зависимость от местной инфраструктуры. Необходимо было найти водителя, забронировать место на метеоре и проверить актуальность расписания непосредственно в день отправки. В отличие от речного сообщения и палаточных стоянок, автомобильное перемещение на острове не контролируется паломнической службой и является сегодня одной из форм дохода для жителей Сортавалы и окрестностей, многие из которых еще не так давно жили на Валааме. На столбике рядом с палаточной стоянкой были написаны телефоны водителей, оказывающих услуги по транспортировке на острове. Один из них и довез нас до пристани. Михаил с женой раньше жили на острове, но после закрытия Зимней гостиницы, где размещалось практически все светское население острова, они оказались в Сортавале. Летом Михаил зарабатывает на Валааме «частным извозом» — развозит туристов на стоянки, показывает скиты, проводит неофициальные экскурсии. Машину, которую сейчас нельзя доставить на остров на грузовой барже, он пригнал еще зимой по льду Ладожского озера. Учитывая, что Михаил не является сотрудником паломнической службы, его деятельность находится в серой зоне, не вполне разрешенной, но и не запрещаемой монастырем. «Дороги принадлежат государству, так что я имею полное право по ним ездить», — сообщил он.

В Монастырской бухте мы попрощались с водителем и без всяких приключений отчалили на материк.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Противопоставление религиозного и секулярного в терминах экономики, политики, этики и публики до сих пор во многом определяет дискуссии о современном постсекуляризме (Eade 2014: 28–29; Ludwig 2018; Kormina 2020). Громкие скандалы вокруг оспариваемых объектов церковной собственности поддерживают и подогревают эту логику: участники конфликтов активно эксплуатируют риторику борьбы между церковью и секулярным обществом, задавая систему координат, дистанцироваться от которой кажется почти невозможным. Статья представляет собой попытку найти такой угол зрения, который позволил бы взглянуть на формы освоения и обживания одного из оспариваемых объектов новой церковной собственности без использования заранее заданной модели противостояния религиозной и секулярной систем. В случае Валаама и расположенного на нем Спасо-Преображенского монастыря, который многократно оказывался в центре общественных конфликтов, такая задача кажется не только трудно выполнимой, но даже утопич-

ной. Можно ли и нужно ли смотреть на это пространство вне категорий религиозной колонизации острова, вытеснения светского населения, сращивания политики государства и РПЦ и финансового обеспечения этих процессов? Мой опыт предполагает возможность утвердительного ответа на оба эти вопроса.

В попытке дистанцироваться от риторики противопоставления религиозного и секулярного я надеялась найти такой вход в поле, который не требовал бы от меня идентификации с одной из социальных групп, чьи границы прочерчены вдоль религиозного-секулярной линии. Таким входом стал для меня опыт «дикого», самостоятельного туриста, приехавшего на остров со своей палаткой с целью «погрузиться в природу» и прожить какое-то время вдалеке от цивилизации. Для Валаама, большинство посетителей которого приезжают в составе больших организованных групп, это неизбежно маргинальный опыт. Но именно его маргинальность составляет один из главных парадоксов современной ситуации на острове.

Почитание природы, которое служило в позднесоветское время основной моделью интерпретации его национального значения, определяя ценность архипелага для государства, сегодня вытеснено на периферию пропагандируемых монастырем моделей потребления местного ландшафта. В одном из обсуждений, развернувшимся на страницах группы природного парка, который до 2017 г. занимался палаточным туризмом на острове, Елена Михалева, начальник отдела по охране и управлению природного парка, так высказалась о позиции монастыря: «Валаамский монастырь, которому принадлежат причалы Монастырской бухты, абсолютно не заинтересован в “самостоятельных” туристах. Это официальная позиция: монастырь уже не раз поднимал этот вопрос — полностью “закрыть” остров от “диких” туристов, чтобы посетители были только через паломническую службу, только с паломническими целями или трудничеством» (Обсуждения 2014).

В то же время практики организации палаточного туризма, используемые сегодня паломнической службой, мало чем отличаются от практик туристической базы и природного парка, контролировавших эту сферу раньше. Более того, обыкновенный путешественник вряд ли заметит отличие новой, монастырской системы управления от старой — светской. Находясь на территории архипелага, удаленной от центральной, освоенной монастырем зоны острова, турист имеет все шансы не заметить присутствие монастыря, наслаждаясь видами прославленных в живописи и литературе пейзажей.

Инфраструктура «дикого» туризма обеспечивается сегодня структурами Русской православной церкви, но воспроизводит светские модели организации системы природопользования на архипелаге. Как результат монастырь выступает для диких туристов в роли почти абстрактной сущности с размытыми очертаниями, отвечающей за доступ к различным ресурсам, позволяющим оставаться на острове и вести здесь полуавтономный образ жизни.

Сегодня мы видим на Валааме несколько режимов любви и почитания природы, располагающихся между двумя идеологическими полюсами — условно религиозным, находящим выражение в различных текстах паломнической службы, которые описывают почитание природы как часть древних традиций валаамского благочестия, и условно светским, определяющим природу в оппозиции техногенной цивилизации и человеческому присутствию. Между двумя этими полюсами расположено множество других форм освоения и почитания природного ландшафта Валаама, среди которых есть место и православному паломничеству, в котором посещение литургии заменено любованием ладожского заката, и жизнь в палатке с использованием монастырских ресурсов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Авдышев А. И. По Карелии: открытки. М.: Советский художник, 1968.

Агапов В. М., Хаккарайнен Т. А. Художники на Валааме. 3-е изд. Петрозаводск: Карелия, 1983.

- Бусахин С., Куришин А.* [Экскурсоводы] // Сердоболь: городской альманах. 2013. № 13–14. С. 72–89.
- Валаам: битва за келью // BBC News. Русская служба. 11.11.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2015/11/151111_valaam_residents (дата обращения: 10.03.2021).
- Валаам: Валаамский архипелаг. Фотоальбом / сост. В. Б. Дорожинский, К. В. Петухов. М.: Советская Россия, 1983.
- Валаам: историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Фотоальбом / сост. и авт. текста Л. В. Багратид; фот. Е. К. Монтлевича. Л.: Лениздат, 1986.
- Валаам: комплект открыток / фот. Э. Романовича. Петрозаводск: Карелия, 1973.
- Валаам: открытки / фот. Э. Романовича, Р. Мазалева. Петрозаводск: Карелия, 1971.
- Валаамский паломник // Паломническая служба Валаамского монастыря. URL: <https://www.valaam.com/> (дата обращения: 10.03.2021).
- Васильева В., Карасева А., Болотова А.* Мобильность, инфраструктуры и восприятие места // «Дети девяностых» в современной Российской Арктике / под ред. Н. Вахтина, Ш. Дудека. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 139–173.
- Вольтская Т.* Хочу жить и умереть на Валааме // Радио Свобода. 28.07.2017. URL: <https://www.svoboda.org/a/28645127.html> (дата обращения: 10.03.2021).
- Восстановление кинолетописи Валаама (продолжение) // Валаам. Официальный сайт Валаамского монастыря. URL: <https://valaam.ru/monastery/121330/> (дата обращения: 10.03.2021).
- Горелова Э. М., Кириллова В. А., Вилинбахов В. Б., Распопов И. М.* Ладога. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1969.
- Зукин Ш.* Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Зукин Ш.* Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.
- Исаков В. З.* Прогулки во Валааму. М.: Советская Россия, 1984.
- К северным островам: туристский маршрут 564. М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1975.
- Карелия: туристская схема. М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1974.
- Клепикова А. А.* Наверно я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.
- Кормина Ж. В., Штырков С. А.* «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / отв. ред. Ж. В. Кормина, А. А. Панченко, С. А. Штырков. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.
- Крылов Е. А.* Валаамские мечтания. Петрозаводск: Карелия, 1988.
- Кузнецов Е.* [Экскурсоводы] // Сердоболь: городской альманах. 2013. № 13–14. С. 62–71.
- Ладога: сборник / сост. М. Е. Ивин, Д. И. Струженцев. Л.: Советский писатель, 1985.
- Лейбошиц Л. М.* Ленинград — Карелия: путеводитель по туристским маршрутам № 12, № 302, № 333. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1964.
- Лейбошиц Л. М.* Ленинград — Карелия: путеводитель по туристским маршрутам Ленинград — Кижы. По Ладоге и Онеге. На остров Валаам. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1965.
- Лейбошиц Л. М.* На Валаам: путеводитель. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1966.
- Лихачев Д. С.* Память истории священна: интервью // Огонек. 1982. № 29. С. 18–20.
- Лихачев Д. С.* Судьба Валаама. Актуальное письмо // Известия. 1989. № 258. С. 3.
- Лихачев Д. С.* О сохранении памятников Русского Севера. Письмо Д. С. Лихачева в ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 119–121.
- Мол А.* Множественное тело: онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
- Музею Валаамского монастыря передали старинную рукопись. «О дивный остров Валаам! Рука Божественной судьбы...» // Валаам. Официальный сайт Валаамского монастыря. 25.06.2018. URL: <https://valaam.ru/publishing/76108/> (дата обращения: 10.03.2021).
- Нежный А.* Возвращение на Валаам // Огонек. 1989. № 2. С. 18–20.
- Обсуждения. Пост от 04.08.2014. URL: https://vk.com/topic-42361680_28288310 (дата обращения: 10.03.2021).
- Остров Валаам: буклет. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1966.
- Петухов К. В.* Валаам — жемчужина Ладоги. Петрозаводск: Карелия, 1977.

Приладожье: фотоальбом / под ред. Д. И. Шехтера, фот. Э. К. Романовича, С. А. Майстермана; текст А. Тхоржевского. Петрозаводск: Карелия, 1976.

Приладожье: фотоальбом / сост. Д. И. Шехтер, фот. О. Н. Полещука; текст В. И. Неделько. Петрозаводск: Карелия, 1986.

Путешествие на Валаам: фотоальбом / сост. и авт. текста Л. В. Багратид; фот. Р. Е. Кириллова, Е. К. Монтевича. Л.: Лениздат, 1978.

Трофимова Е. Там, где интересней интернета // Живая вода. Санкт-Петербургский церковный вестник. 2019. № 10. URL: http://aquaviva.ru/journal/tam_gde_interesney_interneta (дата обращения: 19.03.2021).

Цзин А. Л. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Цыганкова С. Борьба за жизнь на Валааме // Российская газета — Неделя — Северо-Запад. 2017. № 213. URL: <https://rg.ru/2017/09/21/reg-szfo/prokuratura-zajmetsia-problemoj-vyseleniia-zhitelej-valaama.html> (дата обращения: 19.03.2021).

Шор Т. «О дивный остров Валаам!»: паломничество на Валаам в русской литературе и публицистике Эстонии в 1930-е гг. // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: мифология культурного пространства. К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова* / отв. ред. Л. Киселева, Т. Степанишева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 121–144.

Штырков С. А. «Церквушка над тихой рекой»: русское классическое искусство и советский пейзажный патриотизм // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 6. С. 44–57.

Экскурсионные маршруты Карелии. Петрозаводск: Петрозаводское бюро путешествий и экскурсий, 1971.

Albera D., Eade J. International Perspectives on Pilgrimage Studies. Putting the Anglophone Contribution in Its Place // *International Perspectives on Pilgrimage Studies: Itineraries, Gaps, and Obstacles*. New York: Routledge, 2015. P. 1–22.

Byrne D., Brockwell S., O'Connor S. Introduction: Engaging Culture and Nature // *Transcending the Culture-Nature Divide in Cultural Heritage*. Canberra: The Australian National University Press, 2013. P. 1–11.

Dallen T. Religious Views of the Environment. Sanctification of Nature and Implications for Tourism // *The Routledge Handbook of Tourism and the Environment*. New York: Routledge, 2013. P. 31–42.

Donovan V. *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. New York: Northern Illinois University Press, 2019.

Eade J. Crossing Boundaries Hybridity, Migration and the Development of Pilgrimage in Multicultural England // *Jaarboek voor Liturgieonderzoek*. 2014. № 30. P. 25–38.

Golubev A. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2020.

Gorsuch A. E. *All This is Your World Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Koenker D. *Club Red: Vacation Travel and the Soviet Dream*. Ithaca: Cornell University Press, 2013.

Kormina J. “The Church Should Know its Place”: The Passions and the Interests of Urban Struggle in Post-Atheist Russia // *History and Anthropology*. 2020. <https://doi.org/10.1080/02757206.2020.1848822>. P. 11–22.

Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. № 42. P. 327–343.

Ludwig K. Inside Looking In: Complicity and Critique // *Christianity & Literature*. 2018. № 67 (3). P. 511–518.

Parppei K. “The Oldest One”: The Formation of the Historiographical Image of the Valaam Monastery. Leiden: Brill, 2011.

Roe A. D. *Into Russian Nature: Tourism, Environmental Protection, and National Parks in the Twentieth Century*. New York: Oxford University Press, 2020.

Ross-Bryant L. *Pilgrimage to the National Parks: Religion and Nature in the United States*. London; New York: Routledge, 2013.

Vannini P. Constellations of Ferry (Im)mobility: Islandness as the Performance and Politics of Insulation and Isolation // *Cultural Geographies*. 2011. № 18 (2). P. 249–271.

REFERENCES

Byrne D., Brockwell S., O'Connor S. Introduction: Engaging Culture and Nature. *Transcending the Culture-Nature Divide in Cultural Heritage*. Canberra: The Australian National University Press, 2013, pp. 1–11.

- Dallen T. Religious Views of the Environment. Sanctification of Nature and Implications for Tourism. *The Routledge Handbook of Tourism and the Environment*. New York: Routledge, 2013, pp. 31–42.
- Eade J. Crossing Boundaries Hybridity, Migration and the Development of Pilgrimage in Multicultural England. *Jaarboek voor Liturgieonderzoek*, 2014, no. 30, pp. 25–38.
- Golubev A. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2020.
- Gorsuch A. E. *All This is Your World Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Klepikova A. A. *Nverno ia durak: antropologicheskii roman* [I Must Be a Fool: Ethnographic Story]. St. Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2018. (In Russian)
- Koenker D. *Club Red: Vacation Travel and the Soviet Dream*. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- Kormina J. “The Church Should Know its Place”: The Passions and the Interests of Urban Struggle in Post-Atheist Russia. *History and Anthropology*, 2020, <https://doi.org/10.1080/02757206.2020.1848822>, pp. 11–22.
- Kormina J. V., Shtyrkov S. A., “Eto nashe iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne detsya”: predystoriya postsovetskoy desekulyarizatsii’ [“This is Our Primordially Russian, and We Cannot Get Away from It”: A Pre-history of the Post-Soviet Desecularization]. *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste* [Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context]. St. Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2015. P. 7–45. (In Russian)
- Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*, 2013, no. 42, pp. 327–343.
- Ludwig K. Inside Looking In: Complicity and Critique. *Christianity & Literature*, 2018, no. 67(3), pp. 511–518.
- Mol A. *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v meditsinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice]. Perm’: Gile Press, 2017. (In Russian)
- Parpei K. “The Oldest One”: *The Formation of the Historiographical Image of the Valaam Monastery*. Leiden: Brill, 2011.
- Roe A. D. *Into Russian Nature: Tourism, Environmental Protection, and National Parks in the Twentieth Century*. New York: Oxford University Press, 2020.
- Ross-Bryant L. *Pilgrimage to the National Parks: Religion and Nature in the United States*. London; New York: Routledge, 2013.
- Shor T. «O divnyi ostrov Valaam!»: palomnichestvo na Valaam v russkoi literature i publitsistike Estonii v 1930-e gg. [“Oh, the Marvelous Island, Valaam!”: Pilgrimage to Valaam in the Russian Literature and Non-Fiction of Estonia in the 1930s]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Mifologiya kul’turnogo prostranstva. K 80-letiiu Sergeia Gennadievicha Isakova*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011, pp. 121–144. (In Russian)
- Tsing A. L. *Grib na kraiu sveta: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma* [The Mushroom at the End of the World: on the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem, 2017. (In Russian)
- Vannini P. Constellations of Ferry (Im)mobility: Islandness as the Performance and Politics of Insulation and Isolation. *Cultural Geographies*, 2011, no. 18(2), pp. 249–271.
- Vasil’eva V., Karaseva A., Bolotova A. Mobil’nost’, infrastruktury i vospriatie mesta [Mobility, Infrastructures and Perception of the Space]. “*Deti devianostykh*” v sovremennoi Rossiiskoi Arktike [“Children of the 1990s” in Contemporary Russian Arctic]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, pp. 139–173. (In Russian)
- Zukin Sh. *Kulturny gorodov* [The Cultures of Cities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. (In Russian)
- Zukin Sh. *Obnazhennyi gorod: smert’ i zhizn’ autentichnykh gorodskikh prostranstv* [Naked City: the Death and Life of Authentic Urban Places]. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaidara, 2019. (In Russian)

Submitted: 20.12.2020

Accepted: 21.02.2021

Published: 01.04.2021